

2009

Молодой Петербург*09

Литературный фонд
«Дорога жизни» совместно
с Обществом «Молодой
Петербург» при Союзе
писателей России.
СПб, 2009 г., 304 стр.,
тираж 1000 экз.

Редакционный совет:
президент литературного
фонда Дмитрий Мизгулин,
Глеб Горбовский,
Виктор Кречетов,
Евгений Лукин,
Роман Всеволодов.
Редакционная коллегия:
главный редактор
Алексей Ахматов,
ответственный секретарь
Роман Круглов,

МОЛОДОЙ ПЕТЕРБУРГ

безответственный секретарь Ярославия Селезнева,
зав. отделом прозы Игнат Смоленский, зав. отделом поэзии Алексей Лебедев,
Игорь Лазунин, зав. отделом публицистики Елена Иванова,
зав. отделом литературоведения Роман Геометрический.

Стихи: Игорь Лазунин, Игнат Смоленский, Элина Леонова, Алексей Лебедев,
Галина Илюхина, Александр Комаров, Антон Захаров, Рахман Кусимов.
Проза: Роман Всеволодов, Вера Мелехова, Кира Грозная, Андрей Демьяненко,
Елена Качаровская, Юлия Вереск, Владимир Кудрявцев, Антон Захаров

Критика, публицистика, литературоведение: Елена Иванова,
Евгений Антипов, Мария Наклейщикова, Алексей Лебедев,
Кирилл Бурлуцкий. Петр Тарасов, Джульетта Овалова, И. Пряжский,
Бурлюк Кириллов, Игорь Ползунин, Алексей Кряквя, Рассказ Квадратов,
Людмила Петербургская, Игнат Карповский, Роман Геометрический,
Е. Тушенко, Игнат Волковский, Ольга Земляная, Максим Грановский,
Антип Евгеньев, Алексей Горенко, Роман Круглов, Игорь Летунин,
Дмитрий Легеза, Любовь Петрова, Роман Круглов, Ярославия Селезнева,
Станислав Филимонов, Якоб Айгеншарф, Алексей Любегин, Ирэна Сергеева

Игорь Лазунин

ГРОЗА

Сердцебиение демона или
Ангела нервничающего пульс?
Мы не по-детски грозу раздражили
Тем, что ее не страшились. И пусть

В голосе ливня суровые нотки,
В нас лишь шальное желание есть:
Сбросив тела, как намокшие шмотки,
В молнии узкую прорезь пролезть.

Игнат Смоленский

Потерявший свой век,
Пью с бессмертником чай.
Я рожден не на свет;
Я живу по ночам,

Под рукой белизну
Возмущая строкой,
Забавляя луну
Превращений игрой:

Я задумчивый гном,
Я малыш-старичок,
Я брожу, как вино,
Я смеюсь, как сверчок,

Над служителем дня,
Над кудесником тем,
Что крадет у меня
Тело, голос и тень

И уходит в свой век,
Допивая мой чай.
Я же гибну чуть свет.
Я живу по ночам.

Роман Круглов

Проснулся. Вот передо мной
Огромный, длинный выходной
Змеиные свивает кольца.
В себя неосторожный взгляд
Парализует, будто яд.
Лежи, любуйся – микрокосмос.

Бессмысленная суета
Нейронов мозга. Пустота
Саму себя возводит в степень.
Не шевелись, лежи, смотри
Как извивается внутри
Жизнь длинная, как бычий цепень.

Алексей Лебедев

Не наган в залатанном кармане,
Не самоучитель по «у-шу», –
Я последней дозой дурмана
Фигу офигенную ношу.

И когда меня судьба-индейка
Все же окончательно доест,
Копошится злобная идейка:
Под конец, да выставить протест.

Вот ужо скажу вам напоследок
Яркие и крепкие слова,
Чтоб в гробу перевернулся предок
И потомок не признал родства.

Фига, вот знамение печали,
И не суйся, рылом не дорос.
Я не тот, кем вы меня считали,
Я же... многоточие... вопрос...

На моей могиле (кстати, мигом)
Вырастет, нарушив естество,
Фиговое дерево... Но фигу
Вы плодов получите с него!

НЕВИДИМКА

Мы – невидимки. Вот и хорошо.
Забывтые у Бога под полою,
растим на окнах пыльные алоэ,
читаем «Новый мир», «Звезду» и «ШО».

И пусть его. Нам нечего терять.
Пока воронкой кружит... как там?.. кризис,
мы дергаем невидимую привязь
и пишем наблюдения в тетрадь.

Вся жизнь – запас. И нас не призовут
начальники страны к перу и шпаге.
А ворохи исписанной бумаги –
проверено – горят за пять минут.

Гори оно. И синий – тоже свет.
Невидимую руку дай мне, брат мой:
нам все равно дороги нет обратной,
поскольку никакой дороги нет.

Нам – только вверх. К веселой вышине,
где невидимки, собираясь в стаи,
не смотрят вниз и никогда не знают,
зацвел ли их столетник на окне.

Андрей Демьяненко

НАСТОЯЩАЯ БАБОЧКА

Один мальчик очень любил складывать фигурки из бумаги. Мальчик сидел у открытого окна и вертел в руках фантики от конфет, превращая их то в журавлика, то в жука, то в собаку. Весь подоконник был уставлен разноцветными бумажными скульптурками. Когда становилось темно, он зажигал свечу и складывал, складывал, складывал... Когда свеча гасла, мальчик ложился спать, а утром новые фигурки появлялись на подоконнике. Однажды вечером он сложил бабочку. Бабочка пошевелила лапками, проползала до карниза, замахала крылышками и перелетела на лужайку перед домом, где над цветами порхали настоящие бабочки.

– Привет! – крикнула бумажная бабочка.

Вокруг закружилось несколько лимонниц.

– Ты кто? Ты кто? Ты кто? – спрашивали они.

– Бабочка, – гордо отвечала бумажная фигурка.

– Ты не бабочка, – возражали лимонницы и к ним присоединились мотыльки, – ты не умеешь летать.

Но бабочка замахала крыльями и сделала круг над цветком.

– Ну и что! – заметила появившаяся шоколадница. – У тебя нет хоботка, чтобы собирать нектар и пыльцу.

– Я бабочка, – упрямо повторила фигурка.

– Но на крыльях у тебя странный узор. Такого нет ни у одной настоящей бабочки, – сказала капустница.

– А что не так? – спросила бумажная бабочка.

– У лимонниц желтые крылья с двумя маленькими красными пятнышками посередине, мотыльки – серые, белые, без узоров, у шоколадниц – кирпично-красные крылья с черной каймой украшенной небесно-голубыми пятнышками, мы, капустницы, – белые, с темными уголками сверху крыла и точками в середине крыла, – пояснила капустница.

– А ты? – спросил мотылек. – У тебя на крыльях непонятный узор и написано: шоколадная фабрика. Ты не бабочка, таких бабочек не бывает.

Солнце садилось, дневные бабочки улетали, а бумажная горько плакала.

– Как же так! – восклицала она между всхлипываниями. – Я бабочка!

Мальчик на окне зажег свечу.

– Свет! Свет! – закричали мотыльки. – Полетели скорей!

– Сгорите! – закричала бумажная фигурка.

– Ты не бабочка! – смеялись мотыльки. – Даже свет тебя не привлекает. Ты точно не бабочка!

Мотыльки летели к свече. Огонь подпаливал им крылья, и они падали, трепыхаясь между бумажными фигурками.

– Бабочка я, – твердо сказала фигурка и полетела к свече.

Огонь опалил ей крылья, как и настоящим мотылькам. Она упала.

– Бабочка я, бабочка, – шептала она. – Я настоящая бабочка.

Когда мальчик увидел среди фигурок бабочку с опаленными крыльями, он сделал фигурку мотылька из фольги.

Елена Кочаровская

ТЕМЕЧКО

– Чижик-пыжик, где ты был?

– От Фонтанки далеко, но хрящиками славненько попиروвали и водки попили...

– Чижик, а я так скучала по тебе...

– Глупости говоришь. Ты скучала, а у меня мужские дела... Я не скучал.

– Неласковый ты какой-то. Почему?

– Не будем об этом. Хочу спать.

– А я для тебя...

– Я устал...

– Ну, поговори со мной, Чижик...

– О чем?

– Ни о чем. Ладно, не пристаю больше. Ты устал. Прощай.

– Куда ты? Я и так устал.

– На Фонтанку. Хочу глоток свежего воздуха и водички попить.

– Издеваешься, да?

– И не думаю. Хочу еще бросить наши монетки в воду.

– Опять ерунда какая-то. Монетками бросаться. Зачем таскать накопленное из родного-то гнезда?

– А я вернусь. В другой раз. В другое время. Где есть слово «мы».

– Хар-ар, уха-ррр, – захрапел Чижик, поудобнее заваливаясь на первый бочок.

Она ласково называла его Чижиком, хотя ему было уже много лет, от него пахло помойкой, и на самом деле он был пожилой, черной вороной мужского пола.

А он вместо ласки постоянно клевал ее в самое темечко. Темечко-то – слабое местечко, уязвимое. Проклевывается до серого вещества... Так ей и надо, старой вороне! Воздуха свежего ей подавай.

Тяжело вздохнув, она взъерошила седину и улетела на набережную. А там, не рассчитав траекторию, спикировала в Фонтанку. Почти на самое дно. Перья намокли, отяжелели, да и монет в клюве было много... Кувырк-кувырк!

К большой вороньей удаче, мимо проплывал бедный жалостливый рыбачок-дурачок. Он успел поймать ворону в подсачик. И, делая утопленнице искусственное дыхание, с удивлением обнаружил в вороньем зобу золотые монетки.

С той поры судьба улыбнулась бедному рыбачку. Он купил себе новенький баркас и рыбачит на Ладоге. На его плече прочно обосновалась старая ворона, которая питается исключительно свежей рыбкой и прочими изысками.

А бывший Чижик завел себе новую подружку и называет ее ласково Стрижином.

И пока он даже не догадывается, насколько у Стрижика мощный и злой клюв и скольким она пробила слабое темечко.

Антон Захаров

Давайте домыслим счастливый конец.
Прекрасный конец, раз начало плохое.
Положим, меня не бросал мой отец.
Вернее, нас было у матери двое.

Мне снились отважные добрые сны,
носил синяки я, как носят медали.
Я друга сумел защититить от шпаны,
и это не нас, это мы их прогнали.

Я слушался и не расстраивал мать
и с бабушкой смог по-людски попроситься.
Никто и не думал меня называть
Ханжой, дураком, размазней, тунеядцем...

Я вовсе не бомж. Переполнена чувств,
жена не уходит, ведь жизнью довольна.
И воздуха прорва: глотай – не хочу.
Счастливый конец. И ни капли не больно.

Рахман Кусимов

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Весенний вечер, утки на пруду,
Покой воды, прохожий с сигаретой.
Дай надышаться прежде, чем уйду,
Пронзительной размеренностью этой.
Здесь время не вперед идет, но вспять,
А запахи из прошлого и ветер
Дурманят так, что кажется – опять
Мне десять лет, я знаю все на свете.

Дай наглядеться вдоволь в эту даль,
Я здесь теперь произойду едва ли.
Как удержать все это, очень жаль,
Учителя нам не преподавали.